

Светлана Алешина

Не тяни за хвост

Часть сборника
Тушите свет (сборник)

Папарацци

Светлана Алешина

Не тяни за хвост

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Не тяни за хвост / С. Алешина — «Научная книга»,
2001 — (Папарацци)

«...Я отошла еще на шаг к парапету и запустила руку в сумочку, выискивая платочек. В эту секунду взревел мотор, как мне показалось, прямо передо мною. Напомню, что свет, идущий от клуба, светил мне в глаза, так что видно мне было плохо. Руководствуясь больше слухом, чем зрением, я отскочила влево и увидела, как прямо на меня мчится огромный джип. Пришлось прыгнуть еще раз, потом еще. Я вжалась в стену старинной каменной беседки, оказавшейся на пути. Джип развернулся как раз на том месте, где я стояла за два шага до этого, и не перевернулся, хотя я ему того и пожелала, прости господи. Как мне показалось, скользкий, тускло блестящий в собственной тени борт джипа едва не коснулся меня. Впечатление было малоприятное...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Алешина

Не тяни за хвост

Глава 1

Когда на улице тепло, тогда и в душе праздничек. Я это чувствую так же хорошо, как вкус кофе и сигарет. Великая вещь – настроение. Но и каверзная.

Бывают в жизни периоды, когда надоедает все. Вот мне и надоело. Мне надоела редакция, мне надоела Маринка, мне надоела работа в принципе.

Я подумала. Я долго думала и наконец придумала. Я сказала всем своим сотрудникам, что заболела чем-то почти смертельным и поэтому нуждаюсь в продолжительном лечении в стационаре, то есть у себя дома, а сама просто-напросто решила свалить ото всех, не скажу куда.

Нет, это я Маринке не скажу, а вам скажу: я решила сходить в ночной клуб «Астарта». Есть у нас такой на набережной, и, как говорят, неплохое место.

Любая идея, родившаяся в голове, нуждается в чем?

Она нуждается в аплодисментах. Аплодисменты нужны, чтобы лишний раз почувствовать свою правоту.

Итак, в поисках аплодисментов я позвонила Фиме Резовскому. Вы еще помните такого? Фимочка – это песня! Фима – это вечный укор мне и моей твердокаменной неприступности, как он сам выражается, но это неправда. Нет вовсе никакой твердокаменной неприступности, а есть всего лишь маленькая и приличная моя порядочность. Ну по крайней мере я так себе это объясняю.

Одним словом, я позвонила Фиме и сказала ему про замечательную идею посетить клуб «Астарта», причем сделать это сегодня же вечером. Фима тут же заорал в трубку всякие глупости, вроде того, что порядочной девушке ходить одной по ночным клубам неприлично, а потом стал навязываться мне в компаньоны. Или в провожатые. Я не поняла точно, но что я поняла, так это абсолютную неприличность того, что он мне говорит, о чем и не преминула сообщить.

– Вы навязываетесь, юноша, как бродячий продавец очень ценных импортных хреновинок, – холодно сказала я, – вы назойливы! Вы меня смущаете, и я даже теряюсь от вашей напористости. Фи!

– С кем это ты так? – спросила меня некстати вошедшая Маринка.

– Да так, с одним знакомым, – небрежно ответила я. – Его фамилия Резовский – знаешь такого?

– Не припомню, – ухмыльнулась Маринка и похвасталась своей наблюдательностью: – Я сразу поняла, что ты с Фимой разговариваешь. Только при беседе с ним ты начинаешь сиять, как медный таз в лунную ночь.

– Секунду, Фимочка, – сказала я в трубку и закрыла мембрану рукой. – А с другими, интересно, как я разговариваю?

– Да как тебе сказать, чтобы не обидеть? – глумливо усмехнулась Маринка. – Как мындра. Это словечко я подхватила у одного своего знакомого мальчика, оно означает...

– Пошла вон! – заорала я. – Это мой кабинет! Я здесь работаю! А ты мне мешаешь!

Увы, Маринка не из тех, кого можно выгнать одним возгласом. Она не понимает сильных душевных порывов других людей. Она понимает только собственные душевные порывы. Эгоистка, что еще говорить!

– Ей надо работать! – воскликнула Маринка, изображая сценическое изумление. – Так и скажи, что тебе с Фимой нужно потрепаться!

Она распахнула дверь кабинета, но не вышла, швабра эдакая, а продолжила бормотать всякую ерунду, чтобы было слышно и в редакции.

– Вместо того чтобы вычитывать номер, ты часами треплешься по телефону. А работа идет без тебя, и вопросы решаются тоже без тебя, вот! А еще...

– А еще у тебя сегодня очень неудачная прическа, – мягко сказала я. – Какой враг посоветовал тебе эти ужасные старушечьи букли? Или ты уже крест поставила на своей жизни? Ну как хочешь. Хозяин – барин...

– Какие еще букли?! Какие букли?! – заорала Маринка, шлепнула несколько раз губами и, не найдя что ответить, бросила: – От такой же слышу!

После чего она выскочила из кабинета и захлопнула за собой дверь. Я слышала, как она тут же наехала за что-то на Ромку, потом, промчавшись метеором по всему помещению, как это может только она, удрала по коридору. Не иначе, в туалет умчалась к большому зеркалу. Страдать над прической.

Я снова приложила трубку к уху.

– Так на чем же мы остановились, Ефим Григорьевич? – независимо поинтересовалась я. – У меня такое ощущение, что вы меня чем-то оскорбили, только я пока не поняла, чем именно, но сейчас я соображу.

– Что ты, что ты, мечта моя! – залепетал Фима. – Тебе показалось, что ты! Я только робко предложил тебе себя в мужчины на сегодняшний вечер. Обещаю демонстрацию откровенного джентльменства. Ты будешь довольна, о свет очей.

– Да на фиг ты мне нужен в ночном клубе со своим джентльменством? – удивилась я. – Ночной клуб – это, понимаешь ли, такое заведение интересное, что джентльменам там делать нечего. Нет, Фима, ты мне не подходишь! – решила я. – Джентльмен! Скажите, пожалуйста!

– Я буду хамом! – решительно пообещал Фима и даже негромко зарычал в трубку для усиления впечатления, – О! Ты еще не знаешь, на что я способен! Ты будешь дрожать от первой секунды моего появления рядом с тобой до самой последней! Дрожать от негодования. Это будет такое великолепно-сладостное хамство, которого...

– Да вы издеваетесь надо мной, Ефим Григорьевич! – возмутилась я. – В гробу я видала и ваше хамство, и ваше джентльменство. Или вы мне обещаете, что будете вести себя как нормальный, вы слышите, как нормальный мужчина, сопровождающий одинокую девушку в злачное место, или сейчас же кладите трубку! Немедленно! Ну!

Я помолчала и прислушалась. Фима притаился.

– Ты положил трубку? – осторожно спросила я.

– Не-а, – ответил Фима, – а ты?

– И я нет, – призналась я. – И что делать будем?

– Я буду вести себя хорошо, – проникновенно сказал Фима. – Ты возьми меня с собой!

– Это цитата из старой песни Пугачевой, – заметила я, – после этого следует еще: «а-а-а».

– Именно так, – подтвердил Фима и очень к месту сказал: – Ты, как всегда, права! Так что ты решила?

– Подъезжай к шести. К редакции, – разрешила я. – Но имей в виду!

– Все понял, – с готовностью подтвердил Фима и быстро отключился, пока я не передумала. Это было очень предусмотрительно с его стороны.

Фима опоздать не осмелился. Я отдала свою «Ладушку» Виктору на весь вечер, предложив заехать за мной завтра утром и привезти меня на работу. Виктор кивнул, и организационная часть подготовки к выходу в злачное место была почти закончена. Почти – это потому, что нужно было еще съездить домой и переодеться. Ну, домой-то я собиралась заехать на Фиминой ядовито-зеленой «Ауди», а что надеть, я уже придумала.

Итак, дождавшись вечера и Фимы, я сказала Маринке, что буду сегодня занята лечением и поэтому, к сожалению, не смогу пригласить ее ко мне домой с ночевкой, как она уже привыкла.

Еще бы ей не привыкнуть, если она живет в коммуналке, в маленькой комнатке, во вражеском окружении пенсионерок. Есть там, правда, один мужчина, да и тот Толик.

Он толстый, лысый, усатый и неженатый. Толик живет с мамой, служит в милиции и катает на машине какого-то начальника. Серьезный человек Толик, но ему под сорок, а он живет с мамой.

Серафима Наумовна, его мама, пытается свести Толика с Маринкой. Но не об этом разговор, а о том, что Маринке скучно у себя дома. Ей скучно, я не спору, но мне тоже развлечься хочется. Иногда.

Маринка, услышав мои слова про строгое лечение и сугубое одиночество, скорчила рожу и ехидно так спросила:

– Уж не с Ефимом ли Григорьевичем вы собрались, девушка, провести этот вечер? И, наверное, в юридических занятиях?

– В юридических. Занятиях, – призналась я. – Будем менять профиль нашей газеты!

– С твоего на Фимин? – наивным голоском поинтересовалась Маринка.

Ромка хрюкнул, услышав этот вопрос, Сергей Иванович просто усмехнулся, а я обиделась. Фимин профиль, конечно же... как бы это сказать... стильный, но это вовсе не причина для замены. Мне мой тоже очень нравится. Одним словом, я промолчала, дождалась Фиму, погрузилась в его ядовито-зеленую «Ауди» и свалила к чертовой матери из редакции.

Не буду в подробностях описывать свой костюмчик, в котором я собралась ехать в «Астарту», скажу только, что он был светло-зеленого цвета: юбка, пиджак. Пиджак заканчивался во-от настолечко выше юбки. Пуговицы на костюме были замечательные: большие темно-зеленые в золотом металлическом обрамлении. Туфли – под цвет, а иначе и не бывает, прическа – то, что надо, ну а сама дама в костюме и в прическе – слов нет, обалдеть, так и смотрела бы на себя в зеркало, если бы Фима не сопел за плечом и не покашливал занудно.

Не терплю, когда мужики таращатся, если я перед зеркалом решаю, отлично я выгляжу или просто хорошо. Не терплю. Но объяснить им это сложно. Тот же Фима, например, разговорительный же парнишка, а сколько раз ему ни говори ласково да нежно: «Фима, пожалуйста, отойди и не мешай, меня это нервирует, окажи даме любезность, посиди в кухне...» – все бесполезно. Ну, может быть, только на полминуты и подействует, не больше.

Мы выехали к клубу «Астарта» в самое нормальное время, сразу после девяти. Это не рано, но и не поздно. Обычно начинается все в восемь, апогей ежедневных праздничков – где-то в полночь, ну а дальше как у кого сложится. Можно и до закрытия там быть, до четырех утра, но такой график мне не подходит, потому что я работаю в дневную смену. Это я к тому говорю, что есть дамы, работающие в смену ночную. А у меня времени было максимум до полуночи и потом – спать. Потому что завтра на работу.

Фима, как партнер для отдыха, был выше всех похвал. Давно уже привыкшие друг к другу, мы составляли пару вполне терпимую.

Клуб «Астарта» предлагает своим посетителям и огромный танцевальный зал, и маленькие буфеты, и бильярд, и рулетку, и стриптиз по отдельным билетам в отдельном зале, и еще что-то. Все сразу и не вспомнишь.

Мы с Фимой отлично начали вечер танцами, продолжили его бильярдом, причем я постоянно выигрывала, а Фима морщился. Около полуночи мы вышли на улицу подышать свежим воздухом. Все было отлично, и настроение прекрасное.

Я держала бокал с «Casa de Norbonne» в одной руке, дымящуюся сигарету – в другой и, облокотившись на парапет набережной, лениво посматривала на Фиму, устроившегося рядом.

– Чего-то хочется, – задумчиво пробормотала я, решая, послать ли Фиму за мороженым или подождать, когда он сам догадается сбежать.

– Чего-то хочется, а кого, не знаю? – улыбнулся мне Фима. – Так попросите консультацию, Ольга Юрьевна, у опытного юриста. Для вас – со скидками.

– И что же скидывать будешь? – без интереса спросила я. – Предложи лучше мне что-нибудь существенное и заманчивое.

– Прогулка по вечернему городу, – быстро сказал Фима. – Очень романтично.

– Не хочу гулять, устала, – отказалась я.

– Поедем к тебе, – сразу же предложил Фима, и я пристойно не расслышала этого предложения.

Отчаявшись, Фима перебрал еще несколько вариантов развлечений, вплоть до катания на яхте, чем вызвал у меня только вздох. Тогда, решив пока не сходить с твердой почвы набережной на зыбкие романтические долины, Фима почесал затылок и осторожно спросил, не хочу ли я мороженого.

– Мороженого? – рассеянно повторила я, не отменяя сразу же это предложение, как все предыдущие.

Фима, почуяв дамскую слабость, усилил свои атаки, и разрешение на мороженое было ему дано.

– Айн момент, фройляйн, и вы получите все, что вам угодно! – торжественно провозгласил Фима, после чего развернулся и исчез.

Я задумчиво посмотрела ему вслед и подумала, что иногда приятно, черт побери, иметь под рукой вот такого, способного даже на легкие глупости мужчину. На подвиги многие хотят быть способными, а вот попробуй-ка поищи желающего сделать ради вас глупость – днем с фонарем будешь выискивать добровольца и не найдешь.

Фима ушел, я прогулялась по мощеной площадке перед малым выходом из «Астарты».

На улице еще не совсем стемнело, но слишком яркая мелькающая иллюминация из окон клуба и навязчивое подмигивание двух мощных прожекторов на крыше сильно уменьшали видимость. Казалось, вокруг темная ночь, разрываемая вспышками света.

Сзади меня располагалась стоянка автомобилей, в основном дорогих и престижных. Я, задумавшись, уронила сигарету, закурила снова, посмотрела на противоположный берег Волги, где посверкивала огнями бывшая слобода Покровская, вотчина славного рода Кобзарей, и не помню уже о чем подумала.

Внезапно позади меня послышался топот ног нескольких человек. Я оглянулась, но свет падал от «Астарты» на меня, а не обратно, и по этой причине я не разглядела, кто, куда и зачем бежал. А не все ли равно? Вторая сигарета кончалась, Фима не появлялся. Он как сквозь землю провалился.

Топот послышался совсем рядом, и я на всякий случай отступила на пару шагов к парапету набережной. На стоянке, расположенной передо мною в пяти или шести шагах, послышались хлопки дверок автомобиля, но я и на это не обратила внимания. Почему я должна дергаться, если кто-то громко хлопает дверкой машины? Здесь каждый вечер происходят самые разные истории, и нет ничего необычного в том, что кому-то хочется быстрее уехать.

Я отошла еще на шаг к парапету и запустила руку в сумочку, выискивая платочек.

В эту секунду взревел мотор, как мне показалось, прямо передо мною. Напомню, что свет, идущий от клуба, светил мне в глаза, так что видно мне было плохо.

Руководствуясь больше слухом, чем зрением, я отскочила влево и увидела, как прямо на меня мчится огромный джип.

Пришлось прыгнуть еще раз, потом еще. Я вжалась в стену старинной каменной беседки, оказавшейся на пути. Джип развернулся как раз на том месте, где я стояла за два шага до этого, и не перевернулся, хотя я ему того и пожелала, прости господи. Как мне показалось, скользкий,

тускло блестящий в собственной тени борт джипа едва не коснулся меня. Впечатление было малоприятное.

Джип выровнялся, повернулся ко мне задницей с блестящим хромированным бампером и, выбив на меня целую пригоршню мелких камешков с асфальта задними своими колесами, помчался вверх по взвозу к центру города.

Я еще постояла немного, прижавшись к стене ротонды, приводя в порядок мысли и чувства, потом сделала шаг вперед и одернула костюмчик.

Что и говорить, настроение подпортилось. Хотя и не имело отношения ко мне откровенно хамское поведение обладателей джипа – они просто разворачивались по такому широкому радиусу, но всю лирику с моей души как корова языком слизнула.

Какая может быть лирика, когда я спиной обтерла всю стену какой-то дурацкой пристройки, стоящей здесь с незапамятных времен!

Я осмотрелась по сторонам и решила подождать Фиму еще несколько минут, а если он не появится, то идти искать его, найти и поругаться насмерть. Сколько же можно ходить за мороженым? Меня едва не задавили, а он бродит неизвестно где!

Вдруг мое внимание привлекли какие-то звуки, доносящиеся из-за стены беседки.

Я прислушалась. Звуки были странные для этого места и этого времени. То ли кто-то плакал, задыхаясь от слез, то ли происходило еще что-то малопонятное, но подозрительное. Я сделала осторожный шаг вдоль стены к тому месту, где она обрывалась, чтобы продолжиться через полтора-два метра, – беседка была открыта всем ветрам. Я пожалела, что не взяла с собой ни диктофона, ни фотоаппарата. А в маленькой изящной сумочке, болтающейся у меня на плече, кроме необходимых мелочей, ничего не было. Да там ничего бы больше и не уместилось. Я же отправилась отдыхать, а не работать.

Мысли эти промелькнули у меня быстро и неопределенно, и я ступила за стену, стараясь идти тише. Я была готова при малейшей опасности развернуться и убежать, однако не могла подавить в себе навязчивый журналистский зуд узнать, что же внутри ротонды происходит.

Сцена, развернувшаяся передо мною, была неожиданна и отвратительна. Я не сразу поверила своим глазам, увидев то, что происходит, а когда поверила, то просто обалдела. Посудите сами.

Две женщины, хорошо одетые, может быть, только немного вызывающе, обе приблизительно мои ровесницы, забросив на спину сумочки, изо всех сил били ногами лежащего перед ними на земле мужчину, который не сопротивлялся, а лишь слабо постанывал и прикрывал руками то, что мог. Но что и как можно закрыть от двух разъяренных фурий?

Я настолько удивилась, увидев происходящее, что замерла на месте.

Ближайшая ко мне очень худая девушка среднего роста, одетая в длинное, на бретелях, вечернее платье с разрезом справа, ударила мужчину еще два или три раза носком туфельки в бок и остановилась, задохнувшись от резких движений.

– Какая сволочь! – прохрипела она, отплевываясь. – Сволочь, сволочь!

– Дышит еще, – так же хрипло, но слабее сказала ее подруга, пухловатая шатенка с прической длинное каре, и отступила на шаг. Отступила она, как оказалось, для лучшего разбега и, подскочив, еще раз пнула лежащего мужчину в живот и снова отступила.

Обе воительницы явно устали.

– Девчонки, вы что?! – не выдержала я и вышла к ним. – С ума сошли! Прекратите немедленно, вы же убьете его!

Они замерли и оглянулись на меня. По отношению ко мне агрессивности я не почувствовала. Более того, мне показалось, что меня девушки разглядывают с каким-то непонятым вниманием и удивлением.

– А тебе-то что? – неуверенно сказала худая и вытерла пот со лба тыльной стороной ладони.

– Убьете же, не понимаете, что ли?! – повторила я и подошла ближе.

Сперва я почувствовала сильный запах алкоголя, смешанный с запахом пота. Только потом разглядела горящие ненавистью и гневом глаза и растрепанные волосы.

– Не знаю, что тут у вас произошло, но мне кажется, с него хватит, – решительно сказала я. Я нагнулась над лежащим на камнях мужчиной и разглядела запачканное кровью лицо. Осторожно приложила ладонь к его шее. Пульс был.

– Ты чья? – спросила меня худая, быстро теряя уверенность и напористость.

– Своя собственная, – ответила я и спросила у мужчины. – Вы меня слышите? Эй!

– Везет тебе! – хриловато хмыкнув, сказала шатенка. – Своя собственная!

Она подумала немного и снова ткнула ногой в живот мужчины, но уже неуверенно и как бы по инерции.

– Господи! – вдруг, словно очнувшись, воскликнула худая. – Господи! Он же Лешку убил!

Глава 2

Она выбежала из ротонды.

Я удивленно посмотрела ей вслед и повернулась к ее подруге. То, что девчонки пьяны, я уже поняла, но теперь мне стало казаться, что степень их опьянения я немного преуменьшила.

– Он вас обидел? – спросила я у топтавшейся рядом со мною шатенки.

– Он убил ее парня, – ответила она, – только что, вон там. – Она показала рукой куда-то в сторону. – Такой козел, ему Надька никогда не нравилась, он Лешке свистел, свистел в уши и вот что удумал...

Эти слова я приняла как непонятную мне пиктограмму и, только расслышав всхлипывания, доносившиеся снаружи ротонды, поняла, что они что-то означают. Тот мужчина, что лежал передо мною, был жив, это точно. Я расстегнула сумочку и нащупала сотовик. Нужно было вызывать «Скорую».

Поправив на плече сумку, я вышла из ротонды и увидела стоящую на коленях девушку. Теперь я знала, что ее зовут Надя. Перед Надей сидел на земле, прислонившись спиной к стене ротонды, парень, избитый так же сильно, как и первый.

Я подошла ближе и наклонилась над вторым парнем.

– Уйди, – глухо сказала Надя, – уйди, ударю! Он умер.

– Подожди! – Я схватила парня за руку. Пульс был почти нормальным, ясно прощупывающимся, хотя и слабым.

– Он жив! – сказала я и вынула телефон из сумки, набрала «ноль-три» и вызвала «Скорую помощь».

Надя уже начала приходить в себя.

– Фу-ты, – она отерла лоб, – как затмение какое-то нашло... Живой, говоришь?

– Конечно, сама, что ли, не видишь?

Словно в подтверждение моих слов парень слабо застонал. Я протянула руку к его голове и нащупала у него на затылке огромную шишку.

– Наверное, его ударили по голове сзади, – сказала я и отошла. Все было ясно: очередная пьяная разборка. Неинтересно.

– Это все идиотская текила с экстази, – пробормотала Надя, тяжело поднимаясь с земли и одергивая платье. – Меня тошнит от этого говенного напитка, но куда же деваться – приходится пить. Крутой считается. Кактусовка хренова.

Я искоса посмотрела на Надю и заметила, что она так же смотрит на меня.

– А ты мажорная, – сказала она, кивая на мой сотовик, – бизнесвумен, что ли?

– Журналистка, – ответила я. – Что здесь произошло?

– Ага, так я тебе и сказала! – хмыкнула Надя. – Тебе скажешь, а ты пропишешь в газетке или где ты там работаешь... Может быть, еще в телевизоре покажешь.

– Я работаю в газете, – просто сказала я.

– В газете, – протянула Надя. – А может, это и к лучшему.

Она замолчала, что-то обдумывая, и тут послышалась сирена – на дороге, спускающейся к «Астарте», замелькали огни машины «Скорой помощи».

– Сюда! Сюда! – Надя замахала руками и побежала ей навстречу. – Маш, ты где? – крикнула она, оглядываясь.

– Пойду я, Надь, – отозвалась ее подруга, стоявшая у меня за спиной, – а то Алекс, наверное, там уже икру мечет.

– Да? – переспросила Надя и махнула рукой. – Ну иди, ладно. Ты ему про меня скажешь?

– Скажу, не волнуйся! А уж что потом, это я не буду виновата.

– Да ладно, – махнула рукой Надя и махнула еще раз подъехавшей машине «Скорой помощи».

Маша ушла не оглядываясь, на ходу поправляя прическу.

– Сюда! Здесь, – быстро заговорила Надя, выдергивая с переднего сиденья пожилого мужчину в белом халате.

– Кто вызывал бригаду? – скучно спросил он, не выказывая желания торопиться.

– Я вызывала, – ответила я, вышла вперед и представилась: – Главный редактор газеты «Свидетель» Бойкова Ольга Юрьевна. Я проходила мимо и обнаружила двух мужчин со следами побоев. Один здесь, – я показала на сидевшего на земле, – а второй – в ротонде.

Врач молча сгреб с сиденья машины чемоданчик и неторопливо направился, куда я ему показала.

– «Свидетель» – это который ничего не боится и печатает все подряд? – уважительно спросила у меня Надя. – Здорово!

– Ну не совсем так, как ты сказала, – усмехнулась я, – даже совсем не так...

– Брось, я однажды читала про что-то... не помню уже. Слушай, может быть, ты мне и понадобишься! Как тебя найти в случае чего, а?

Мне было не очень интересно узнать, чем все закончится, я уже хотела отговориться как-нибудь повежливей, но тут заметила подходившего Фиму с обеспокоенным лицом. В руках он нес целых три мороженных, и все они были разные.

Я решила быстро закончить все эти дела, вынула из сумочки визитку и протянула ее Наде.

– Возьми. Ну а как тебя найти? – спросила я больше из вежливости, чем из насущного интереса к этой девушке. – Тоже в случае чего?

– Меня? – переспросила Надя, уже дергаясь в сторону машины «Скорой помощи», куда на носилках внесли ее Лешу и уже подносили второго парня. – Меня? А зачем? А впрочем, плевать, пиши. – И, отбегая к машине, она крикнула: – Ломоносова, 10, квартира 12! Телефона нет и пейджера тоже!

Дверцы в машину уже закрылись, она тронулась с места, и Надя побежала следом и застучала по борту сумочкой:

– А ну откройте, лепилы гребаные! Откройте, козлы, я с ним поеду! Откройте!

Она кричала до тех пор, пока дверца не отворилась, и Надя запрыгнула внутрь притормозившей машины.

– Что тут произошло? – спросил Фима, внимательно обшаривая меня взглядом.

– Ты знаешь, – сказала я, – дичь какая-то. Одна из сцен, как я понимаю, из жизни тарасовских низов. Представь себе...

Я уцепилась Фиме за руку и начала пересказывать все, чему только что стала свидетельницей.

– Таких историй, знаешь, сколько каждый день происходит! – огорчил он меня.

Я тут же замолчала.

– Извини, – сказал он, – я не хотел тебя обидеть, понимаю твое потрясение. В принципе, меня и самого задело: девушки вдруг побили мужчину... Неприятно.

– Или обидно?

Я внимательно взглянула на Фиму. Тут-то я и обратила внимание на мороженое в его руках.

– А для кого мороженое, юноша? – удивленно спросила я. Ну нравится мне озадачивать людей, не могу отказать себе в этой маленькой слабости.

– Для тебя же, мечта моя, – залепетал растерявшийся на секунду Фима. – Ты заказала, и я не покладая ног...

– В общем, ясно, – оборвала я его и выбрала себе шоколадное «Кимо».

Мы стояли с Фимой, опираясь на парапет, только на несколько шагов отойдя от ротонды. Я ела одно мороженое, Фима – другое, волны шуршали под нами, ночь продолжалась. Ощущение романтики и отдыха постепенно возвращалось.

Из «Астарты» вышли двое мужчин. Кратко переговорив с двумя девушками, кутившими у входа, они отошли и тоже закурили в стороне от них.

До них было с десятков метров.

– Фима, – вспомнила я вдруг, едва не уронив мороженое, – давай-ка я пройду вперед, а ты внимательно посмотри...

– На тебя? – улыбнулся Фима.

– Вот именно, – сказала я, – сзади я...

– Я уже смотрел, и не один раз. Мне все нравится. Все-все, и сзади, и спереди, – начал трепаться Фима по своей гнусной привычке. – Но если ты так настаиваешь, то я, конечно же, смогу и...

– Ну хватит, а? – не выдержала я. – Тут дело серьезное. Посмотри, не обтерла ли я стенку... грязи нет?

Я прошла немного вперед, потом повернулась лицом к Фиме, посмотрела на его отвратительно серьезную физиономию и снова повернулась к нему спиной.

Я сделала два шага, даже немного поиграла бедрами, ну не так вульгарно, конечно, как некоторые служебные дамы из фильма «Служебный роман», а самый минимум, когда и не понимают мужики, нарочно это делается, так сказать, в их честь или же естественно получается.

– Да вроде все нормально, – сказал Фима и подошел ко мне.

– Что нормально? – возмутилась я.

Мне показалось, он невнимательно смотрел. Да и что можно разглядеть при таком прыгающем свете, который и не свет вовсе, а мерцающий инфернальный полумрак.

– Самой придется проверить, – вздохнула я, едва не прослезившись от нашей печальной женской участи. – Все нужно делать самой. Пошли!

– Куда? – Фима застенчиво осмотрелся и уронил фольгу от мороженого на землю сзади себя.

– Все тебе скажи! – ответила я. – В дамскую комнату, там есть большое зеркало в холле.

– Я туда не пойду, – все так же серьезно ответил Фима, – меня посетительницы не поймут.

Я фыркнула и поддержала шутку:

– Не волнуйтесь, юноша, я попробую объяснить, что вы со мною за компанию.

Мы прошли к второму выходу из «Астарты», и я оставила Фиму охранять мое недогрызенное мороженое. Фима послушно остался, а я, миновав немного расширившуюся комнату курящих и сплетничающих девчонок, столпившихся около выхода, вошла в «Астарту». Я направилась по коридору к комнатке с изображением почему-то дамской туфли на двери. Странно, правда? Почему именно туфля? Почему же не шляпка? Или не сумочка? Наверное, это зависит от способностей штатных художников заведения и уровня помпезности руководства.

Пройдя по прямому неширокому коридору примерно половину пути до туфельной комнаты, я обернулась, чтобы проверить, не начал ли Фима тайком поедать мое мороженое. Однако Фиму я не увидела. Зато увидела двух симпатичных парнишек, неторопливо идущих в том же направлении, что и я. Коридор пустым не был, несколько девушек стояли в середине, две или три шли навстречу мне, еще несколько направлялись, похоже, туда же, куда и я, но парней все пропускали и с интересом смотрели на них. Мне кажется, две совсем молоденькие девчушки, мимо которых парни только что прошли, даже не успели закрыть рты, распахнутые от восторга.

Оба парня были высокие, неплохо одетые и недурны собой. Они быстро шли по этому коридору, направляясь непонятно куда. Кроме дамско-туфельной комнаты, в этом коридоре находилось еще несколько помещений, но на их дверях ничего не было изображено. И за этими дверями могло оказаться все что угодно, от какой-нибудь насосной станции – я плохо представляю себе, что это такое, я просто так сказала – до прочих не менее важных подсобных помещений этого здания.

Решив, что мальчики работают в охране этого заведения и просто что-то проверяют, я отвернулась. Я шла и думала о том, что где-то уже видела этих двух парней. Через три шага я вспомнила: это они стояли и курили на свежем воздухе, пока я разговаривала с Фимой.

Я поравнялась с первой дверью неизвестного назначения, расположенной справа, и тут-то и началось оно.

Приключение. Черт бы его побрал.

Мне на плечи легли чьи-то тяжелые руки. Повторю: дело происходило в коридоре, и не в пустом. Люди ходили туда и сюда, поэтому от неожиданного прикосновения взвизгивать было бы глупо: это мог быть кто-то из знакомых.

Вот так примерно и соображая, я неторопливо обернулась на ходу и увидела над собою в поразительной близости лицо одного из парней.

– Привет, жаба, – добродушно сказал он.

Второй в это время обошел меня слева, и я почувствовала неприятный укол в бедро.

– Что это? – спросила я, невольно отшатываясь.

Первый парень поддержал меня и проговорил:

– Осторожно, девушка, тут же стена. Вы могли ушибиться.

– Извините, – пробормотал второй, засунул руку в карман и отошел. Я поняла, что уже не иду никуда, а стою около стены в том же самом коридоре и вроде как разговариваю с этими двумя парнями, но нить беседы не связывается и я чего-то недопонимаю.

– Вам плохо, девушка? – спросил у меня первый парень и решительно взял меня под руку.

– Что-то не то, – пробормотала я и оглянулась. Второй стоял чуть дальше и смотрел в другую сторону.

– Выйдем на воздух, а то тут душно, – предложил все тот же самый разговорчивый из двух, развернул меня и повел не обратно, а к одной из дверей. За нею оказалась еще одна дверь, ведущая на улицу. Я и не знала, что в «Астарт» есть еще какие-то выходы, и уж тем более не предполагала, что познакомлюсь с ними при таких обстоятельствах.

Я как-то смутно понимала, что мне не нужно возвращаться обратно на улицу, потому что... потому что... мне надо сделать...

Вот так, пытаясь собрать мозги в кучу, а мысли во что-то смысловосодержащее, я словно очнулась и уже увидела себя на улице.

Подмигивание прожектора на крыше здания немного отрезвило меня. Я вспомнила, что Фима ждет меня где-то здесь, а вот идти к нему я не могу, потому что... потому что Фима что-то не сделал и я пошла от него...

Я увидела перед собой блестящую дверку большой машины, кажется, это был джип темно-зеленого цвета. Увидела, как дверка распахнулась. Слегка подтолкнув в спину, меня посадили на заднее сиденье.

Следующее просветление на меня нашло, когда машина уже куда-то ехала. Я нахмурилась, посмотрела по сторонам и четко осознала, что я не узнаю ни машины, ни людей, находящихся в ней, и понятия не имею, куда меня везут. Я скомандовала себе «стоп» и снова внимательно осмотрелась. Ситуация была слишком необычной, чтобы поверить в нее сразу.

Слева от меня сидел парень, одетый в легкую куртку, какую-то темную, я не поняла, какого именно цвета была эта куртка, да и не приглядывалась. Парня этого я не знала. То есть я помнила, что он окликнул меня в коридоре и потом...

Мозги у меня прояснились, наверное, даже слишком быстро, и я заорала:

– Куда вы меня везете?!

Я вспомнила про свой сотовый телефон и с силой прижала к себе сумочку. Главное было незаметно сунуть руку в сумку и нажать три кнопки. Первая зеленая слева, а потом «ноль» и «два». После этого пусть делают со мною, что хотят, я буду орать до последнего. Может быть, дежурные в милиции меня и запеленгуют.

Жаль только, что эта идея пришла мне в голову уже после того, как я начала орать. Ну что поделаешь, бывают в жизни ошибочки, не всегда же быть Ольге Юрьевне самой умной.

– Очнулась, жабенция? – весело спросил у меня парень, сидящий со мною рядом, и погрозил мне пальцем: – Ты не шуми, бесполезно...

– Что значит бесполезно?! Да кто вы такие?! – крикнула я.

Я нащупала застежку сумочки и, к сожалению, не слишком ловко, не в одно движение растянула ее. Надо же понимать, в каком положении я находилась. Вас сначала накачали бы какой-то дурью, а потом заставили проснуться неизвестно где и неизвестно с кем. Посмотрела бы я, с какой точностью вы бы действовали.

Парень заметил мои движения и наклонился ко мне.

– Что у тебя там? – резко спросил он, кладя руку на сумочку.

– Что там такое, Колян? – обернулся парень, сидящий рядом с водителем. И этого я узнала. Это он сделал мне укол в коридоре. – Ляля очухалась и орать начала? – лениво спросил он и посоветовал: – Заткни ей варезку.

– Да она еще и за сумку хватается, – сказал мой сосед, отбрасывая мои руки от сумочки. – Ну-ка, не дергайся, ты, профура! Тебя же пока не обижают!

– Да у нее там, наверное, дневная выручка да упаковка козырной резины, – засмеялся передний. – Успокой ее, а то в ушах звенит от визга.

Меня успокоили. Не буду говорить, как именно, в общем, двух раз хватило. Я отвалилась вправо, прижалась лбом к стеклу и заплакала от бессилия. Мой сосед, откликающийся на простецкое «Колян», распахнул мою сумочку и заглянул в нее.

– А приколись, брателло, – похохатывая, сказал он, – у нее сотовик в сумке! Во, смотри! – Колян вынул мой телефон и поднял его вверх.

Передний обернулся и присвистнул.

– Ну ни хрена себе! – рассмеялся он. – Блин, как кучеряво живут бляди! А налоговые декларации не заполняют!

– Ну, они же черным налом берут! – разумно заметил Колян, опуская мой телефон в карман своей куртки.

– Ну прямо коллеги! Гы-гы! – развеселился передний, и оба заржали над своей незамысловатой шуткой. Даже молчаливый шофер усмехнулся.

Я не успокоилась, но почти смирилась со своим положением и с тоской уставилась в окошко. За ним мелькали совсем не городские пейзажи. Мы ехали куда-то в сторону нового моста через Волгу. От «Астарты» можно было ехать за город только в этом направлении.

Я решила молчать и ждать. Молчать, хоть это и было нестерпимо и страшно. Не знаю, что меня ждало дальше. Может быть, какой-нибудь пригородный загаженный и вонючий публичный дом. Я вспомнила несколько статей в нашей газете о сексуальных рабынях, и мне стало совсем нехорошо.

Я постаралась думать о чем-нибудь нейтральном, но почему-то стала вспоминать Фиму. А интересно, он так и стоит с недоеденным мороженым в ожидании меня? Долго же ему придется стоять... Я, стараясь двигаться незаметно, перевернула свою левую руку и посмотрела на часы. Они показывали половину первого.

Мне это ни о чем не сказало. Я не помнила, сколько было времени, когда я рассталась с Фимой, зато теперь я получила точку отсчета на будущее.

Мысли мои вернулись к самому похищению, и я удивилась, как нагло и почти неприкрыто оно было произведено. Меня не отлавливали ни в каких укромных местах, а взяли среди людей. Именно взяли, и никак иначе. Я вспомнила, как эти двое бизонов терпеливо стояли и курили на улице, пока я разговаривала с Фимой, как они потом шли за мной по коридору...

Я подняла голову от резкой догадки. Им была нужна я! Только я, никто другой! Поэтому они, найдя меня, вычислив, наверное, по фотографии или по наводке, пошли практически в открытую и... и выполнили заказ? Получается так.

Я тут же, приняв свою догадку за рабочую гипотезу, начала спешно вспоминать, кого же мы так сильно задели в своих публикациях, что этот некто решил организовать мое похищение и... возможно, убийство!

Я вздрогнула от этой кошмарной мысли и постаралась успокоить себя доводом, что если бы меня хотели убить, то давно бы убили. Довод оказался слабоватым. Тогда я напонила себе, что взяли меня прилюдно, а это значит, что если пойдет расследование, то свидетели найдутся!

Найдутся свидетели по делу об убийстве главного редактора газеты «Свидетель»! Я представила себе передовицу нашей газеты, свою фотографию в траурной рамке... и эта мысль меня добила. Я просто закрыла глаза и решила ждать, что будет дальше.

Слава богу, долго ждать мне не пришлось. Машина замедлила ход, потом я почувствовала, что мы поворачиваем. Я открыла глаза и посмотрела в окошко. Мы въезжали во двор незнакомого мне коттеджа.

«Так и есть, – подумала я, – привезли к боссу, и теперь мне придется расплачиваться за слишком длинный язык, слишком бойкое перо, за высокую скорость редакторского набора...»

Джип остановился напротив модно отделанного булыжником крыльца, и передний «братишка» повернулся ко мне.

– Приехали, мадам. Сделай мордашку поприветливей. Сейчас встретишься со своим старым знакомым.

Колян открыл дверку со своей стороны и медленно вылез из машины. Держа у себя под мышкой мою сумочку, он наклонился и заглянул в салон.

– Ну, ты там приклеилась, что ли? Сюда иди, – спокойно произнес он.

Я помедлила, а потом решила выйти. Какой смысл был забиваться в уголок, как напуганное животное? Все равно же вытащат, если захотят. Иди уж, Оля, выясняй, куда, к кому, зачем и что тебе потом будет. Пока ясно, что твое убийство в ближайшие минуты не планируется. И то слава богу.

Я постаралась держаться внешне спокойно, но ноги как-то незнакомо повели себя, словно я час назад отбегала десять километров, и вот теперь вся усталость в мышцы и вступила.

Я не вышла из джипа, а вывалилась из него и замерла в удивлении. Из-за дома показалась девушка в красном спортивном костюме и остановилась, глядя на меня. Мы молча мерили друг друга взглядами, а мои конвоиры как-то тихо переминались рядом со мною, не говоря ни слова.

Девушка тряхнула головой, поправила длинные волосы каштанового цвета, молча повернулась и снова ушла за дом.

– Блин, так бы и впендюрил Ирке, – задумчиво пробормотал «братишка».

– Ага, – энергично подтвердил Колян, – а потом папа тебе так впендюрит, что всю жизнь подпрыгивать будешь.

– Да уж, – согласился «братишка», – это и останавливает...

– Ну ты, что встала! – Колян показал мне рукой на крыльцо. – Туда иди, – коротко проговорил он.

Я сделала шаг в указанном направлении.

– Вперед, – резко повторил Колян и толкнул меня к крыльцу.

Пришлось повиноваться. Теперь я была на совсем чужой территории, и помощи ждать не приходилось.

Конвоируемая двумя здоровыми парнями, я подошла к крыльцу и поднялась по его трем ступенькам.

Колян открыл незапертую входную дверь, декоративно отделанную дубовыми панелями, и мы вошли в небольшой холл. Миновали его и остановились у двойных дубовых дверей, ведущих в глубь дома.

– Типа, доложить надо, а то здесь Берримора нет, – проговорил Колян, растерянно оглядываясь на своего друга.

– А что же шеф, – пробалагурил «братишка», имени которого я пока не узнала, – не заведет себе какого-нибудь децла? Приколись, выходит сейчас этот пень с бородой и гутарит: «Овсянка, сэр, ту дей тебя в селезенку!»

– Прикололся, – серьезно сказал Колян, – а смеяться после слова «лопата»?

Он стукнул пару раз в правую половину дубовой двери, прислушался и стукнул еще раз громче.

– Кто там? Это ты, Николай? – слышался из-за двери слабый мужской голос.

Глава 3

– Я, Виктор Тимофеевич, я, – громко ответил Колян и открыл дверь. Он вошел внутрь и прикрыл дверь за собою.

Колян отсутствовал несколько минут. И вот я услышала быстрые шаги, и обе двери распахнулись. Появившийся Колян встал справа в проходе и кивнул мне. «Братишка» молчать не стал.

– Ну что, – слегка подтолкнул он меня в бок, – прошу, мадам или мадемуазель? Гы-гы!

– Какая она в пень мадемуазель? – тихо пробурчал Колян. – Она уж и забыла, как это выглядит!

Я вошла в большое помещение, похожее на тщательно декорированный зал из киношного Баскервиль-холла.

Справа у стены, отделанной дубовыми панелями, стоял камин, облицованный серо-коричневым камнем. Стены над панелями, заканчивавшиеся чуть выше среднего человеческого роста, были обтянуты набивным шелком. У камина стояло черное кожаное кресло с высокой спинкой, повернутое спиной к входу. Не было видно, кто сидит в этом кресле, и вообще, сидит в нем кто-нибудь или нет.

Однако меня вели именно к нему.

Я прошла по темно-красному мягкому ковру и после толчка в спину повернулась и встала перед креслом.

Глубоко в кресле сидел мужчина лет сорока. Он был очень худой, с вытянутым черепом и с редкими каштановыми волосами, кропотливо уложенными в подобие прически. Мужчина был одет в теплую бордовую куртку. Он сидел в этом кресле, заложив ногу на ногу, и курил сигару. Перед ним стоял небольшой столик из красного дерева. На столике стояли пухлая бутылочка виски, высокий стеклянный стакан и бронзовая пепельница.

Мужчина медленным движением стряхнул пепел с сигары в пепельницу и только после этого поднял на меня глаза.

– Это кто? – тихо спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Как кто, Виктор Тимофеевич? – суетливо переспросил Колян. – Это же она!

– Вот как? – холодно переспросил хозяин дома и остро взглянул мне в глаза.

– Ну-ка, повернись боком, – пробормотал он.

Я и не поняла, что эти бесцеремонные слова предназначались мне. Однако долго размышлять мне не дали. Колян дернул меня и поставил боком к креслу. До меня донеслись слова Виктора Тимофеевича, сказанные тихим голосом:

– Это не она. Вы лоханулись, ребята.

– Шеф, да как же не она? – заволновался Колян, удерживая меня в прежнем положении и не давая повернуться. – Мне Марьянка сказала, что она на улице с мужиком. Мы вышли, там никого не было, кроме одной пары. А эта как раз перед мужиком ходила взад-вперед и задницей вертела, ну по своей блядской, значит, привычке. Цену, типа, набивала...

Виктор Тимофеевич слабо повел пальцем, и Колян мгновенно заткнулся на середине фразы. После чего Виктор Тимофеевич спросил в пространство:

– Имя.

– Отвечай! – толкнул меня в бок Колян.

– Ольга, – тихо сказала я.

– Что? – слабо переспросил Виктор Тимофеевич.

– Я Ольга Юрьевна Бойкова, – произнесла я как ритуальное заклинание давно навязшую на зубах формулу, – главный редактор газеты «Свидетель». И, глубоко вздохнув и стараясь говорить как можно тверже и решительней, высказала:

– Может быть, вы мне объясните, что здесь происходит? Кто вы такой? Кто эти люди? И по какому праву меня привезли сюда? Я была в клубе, нас там отдыхает целая компания, в том числе и мой личный адвокат, я требую...

Виктор Тимофеевич слабо махнул пальцем, и Колян снова толкнул меня, да так, что я едва не улетела в камин. Однако не улетела: Колян толкнул, он же и удержал меня от подобного исхода. Однако пошататься мне пришлось. Но был и плюс от этого: теперь уже я стояла лицом к этому шефу, а не боком и могла хотя бы смотреть на него.

– Дай мне ее сумку, – чуть повысив голос, потребовал Виктор Тимофеевич.

Колян сделал шаг к нему и протянул мою сумочку.

Виктор Тимофеевич ее не взял, а показал пальцем на столик, стоящий перед ним.

Колян раскрыл мою сумочку и осторожно высыпал ее содержимое на столешницу.

Виктор Тимофеевич несколько секунд молча разглядывал все мои причиндалы, потом взял редакционное удостоверение и раскрыл его. Как хорошо, что я захватила с собой документы! Хотя еще неизвестно, хорошо ли это.

Просмотрев удостоверение, Виктор Тимофеевич положил его на столик. Пальцем поворошил мои визитные карточки, взял одну из них, прочитал, что там написано, и снова положил в кучу, потом взял вторую, третью. Я внимательно следила за его лицом, но этот мен держался как профессиональный игрок – лицо его не выражало ничего.

Наконец он поднял вопросительный взгляд на Коляна. Тот все понял сразу и выдернул из кармана мой сотовик.

– Вот, Виктор Тимофеевич, еще ее телефон. А больше ничего не было.

Телефон лег на стол рядом с визитками.

Шеф взял мой сотовик и покачал его в руке, словно проверяя на вес, нет ли внутри «трубы» чего-то лишнего, потом протянул трубку обратно Колян.

– Пробей на номер, пусть скажут, чей, – слабо проговорил он, прикрывая глаза и делая непонятный жест пальцем, смысла которого я не уловила. Но Колян, очевидно, понял команду сразу и, кивнув, схватил мой сотовик и, громко топая от демонстративного усердия, удалился.

Виктор Тимофеевич повертел в руках визитку, на которой я записала адрес Нади, и небрежно бросил ее обратно в общую кучу.

– Собери, – сказал он стоящему в трех шагах от него «братишке». Тот шагнул вперед, нагнулся, сгреб все мои вещички обратно в сумочку и замер на месте, тараща преданные глаза на своего шефа.

– Отдай, – все тем же лишенным эмоций голосом произнес Виктор Тимофеевич, и «братишка» сунул мне в руку сумочку.

Шеф задумчиво посмотрел на меня. Взгляд его был странен. Он смотрел на меня и в то же время быстро решал в уме какой-то важный вопрос. Я выдержала его взгляд и кашлянула.

– Вы мне ничего не ответили, – напомнила я.

Виктор Тимофеевич даже не проявил удивления от того, что кто-то здесь начал разговаривать по своей воле, а не выполняя его приказ. Он покачал в воздухе пальцем.

– Минуту, – очень тихо сказал он и прикрыл глаза.

Сзади слышались быстрые шаги, и подошел Колян с моим сотовиком. Почтительно склонившись перед руководством, он доложил:

– Вот я записал, шеф, на бумажке.

Колян протянул Виктору Тимофеевичу вырванный из блокнота листок и положил мой сотовик на край стола. Шеф взял лист с написанным на нем текстом и внимательно прочитал его, затем аккуратно свернул бумажку в четыре раза и только после этого поднял глаза на меня.

Я снова не отвела взгляда. Сдался первым Виктор Тимофеевич.

Он закрыл глаза и помассировал их пальцами.

– Ребята ошиблись, – тихо сказал он, – это бывает при каждом деле. Приношу свои извинения. Сейчас вас отвезут обратно и доставят на то же самое место, откуда вы были приглашены в этот дом.

Он произнес все это своим монотонным, абсолютно лишенным эмоциональности голосом и, убрав руку, взглянул на меня. Несколько секунд он смотрел мне в глаза, потом медленно кивнул:

– До свидания.

Я так удивилась всему произошедшему, что ничего не успела сказать.

Ребята, вставшие по бокам от меня, твердо подхватили меня под локти, ловко поймав при этом падающую сумочку. Они мне сунули ее обратно и развернули меня лицом к выходу.

Я что-то попыталась сказать, но меня быстро вытащили из комнаты и так же быстро вывели из дома. По пути никто из сопровождавших не сказал ни слова.

Только перед машиной Колян протянул мне сотовый телефон, и я его взяла машинально.

Меня знакомым бесцеремонным манером посадили в машину. Молчаливый шофер, ни о чем не спрашивая, запустил двигатель, и джип выехал со двора.

– Здесь курить можно? – спросила я, ни к кому не обращаясь и вновь обретая уверенность.

– Да, кури, – резко сказал сидевший рядом со мною Колян и отвернулся.

Я расстегнула сумочку, положила в нее телефон и вынула пачку сигарет. Я закурила, стараясь остановить нервную дрожь в руках, и начала разглядывать пейзажи за окном, теперь уже крутящиеся передо мною в обратном порядке.

Через пятнадцать минут впереди засветились огни Тарасова. Я сориентировалась по ним и поняла, что меня возили куда-то в район престижных новостроек. Однако пока этой информации было мало. Если все пройдет нормально, то я завтра подниму все свои связи и архивы и узнаю, кто такой Виктор Тимофеевич и с какой стороны к нему можно подобраться.

Такое безобразное отношение к своей персоне я терпеть не собираюсь.

Проехав КП, джип неожиданно завернул в какой-то двор и остановился. Тот браток, имени которого мне так и не довелось узнать, вышел из машины. Он захлопнул за собою дверку, обошел джип сзади и, как я слышала, что-то делал с задним бампером. Я не оглядывалась, демонстрируя полнейшее равнодушие ко всему происходящему вокруг меня. После того как я уверилась, что скоро вернусь домой, я старалась вести себя подчеркнуто отчужденно. Именно так я понимала гордость.

Браток вернулся, джип тронулся, и еще через двадцать минут передо мною заплясали огни клуба «Астарта». Путешествие закончилось.

Джип подъехал к той незаметной двери клуба, из которой меня вывели наружу. Как я заметила, приказы Виктора Тимофеевича выполнялись четко и буквально. Это говорило о силе человека, не находящего необходимости даже слегка повышать голос.

Джип остановился. Как и в прошлый раз, Колян вышел первым, но теперь уже я не стала ждать приглашения, а вышла сама, сразу же за ним.

Встретившись взглядом с Коляном, я добила того, чтобы он отвел взгляд первым. Он опустил глаза, но ничего не сказал.

Я отошла на два шага к «Астарте», Колян быстро сел обратно в машину, и джип тут же тронулся с места.

Я опустила глаза и увидела, что номера сзади на джипе не было. Посмотрела вслед машине, пытаясь найти у нее хоть что-то индивидуальное, чтобы опознать при необходимости, но ничего не заметила. Ничего, кроме его марки. Это был «Форд Экспидишн».

Я побрела к знакомому мне выходу из «Астарты», к тому самому, где должен был дожидаться меня Фима. Я шла, чувствуя, что от прежнего легкого настроения не осталось и следа.

Фимы там, где я его оставила, я не нашла. Ну вообще-то было бы странно, если бы он продолжал торчать здесь. По моим прикидкам, я отсутствовала не меньше полутора часов, какой же джентльмен выдержит такой невероятный срок?

Отойдя к парпету и присев на него, я вынула свой сотовик и набрала номер телефона сотовика Фимы.

– Да! – нервным голосом отозвался он.

– Ты где? – устало спросила я.

– Я-то здесь, а вот где ты?! – рявкнул Фима и уже набрал полную грудь воздуха, чтобы толкнуть какую-нибудь речугу минут на десять, но я его прервала.

– Я тоже здесь. Уже, – устало сказала я. – Жду тебя около парпета. Подходи, если можешь. Есть что рассказать.

Фима сказал «ага», отключился и через пару минут уже стоял передо мною. Без мороженого.

Надо отдать должное Фиме – он соображает быстро и умеет сразу вникать в суть проблемы. Этому можно научиться, если умеешь внимательно слушать. А вот внимательно слушать научиться нельзя. Это способность врожденная.

Фима слушать умел. Он терпеливо выслушал мой рассказ. Сначала я говорила что-то бесвязное, но интригующее, потому что глаза Фимы расширились, и он даже перестал моргать, слушая мои эмоциональные излияния. Фима взял меня под руку, отвел к своей ядовито-зеленой «Ауди» и посадил на сиденье рядом с собой, обращаясь со мной, как с хрустальной вазой. Он сел за руль и поехал в сторону моего дома. Я закурила и продолжила свое повествование уже более связно и логично. Я описала всех действующих лиц, вплоть до девушки и отсутствующего номера на заднице у джила. Хотя как можно описать отсутствующий номер, сейчас я уже не смогу сказать. Но тогда у меня получилось.

Ну а затем, когда Фима привез меня домой и сам отпер дверь моей квартиры, потому что я возиться с замком и ключами не захотела, разговор у нас начался спокойный и осмысленный.

– Только случайность может помочь тебе снова встретиться с этим боссом, – сказал Фима. – Если я правильно понял его характер, он не слишком склонен выходить из своего дома и все делает через «шестерок».

– Они ждали еще одного. Возможно, самого главного босса, – сказала я, снимая туфли в коридоре и отпихивая их в сторону.

– Не факт, что босса. Возможно, компаньона первого. Или старшего компаньона, – нудно перечислял варианты Фима, и спорить с ним я не стала.

– Ну может быть, – согласилась я и побрела к кухне.

– А еще заметь, Оль, – сказал Фима, с пыхтением снимая ботинки, – заметь, что этот босс, которого тебе показали, человек довольно холодный и мало подвержен эмоциям. У него все на расчете.

Фима наконец-то разулся и пошлепал за мной следом.

– Это и я заметила, – вздохнула я и остановилась рядом с дверью в ванную, обдумывая, сразу мне пойти туда или сперва поставить чайник.

– Он мог приказать убить тебя и закопать у себя в саду, – продолжил Фима радовать меня своими размышлениями, – но не сделал этого. Он тебя не пожалел. Он просто рассчитал, что в этом убийстве нет смысла. А неприятные последствия весьма вероятны. Отсюда два вывода: на ненужные жестокости он не идет, и та дама, которую нужно было взять, не представляет собой заметную в нашем тарасовском бомонде фигуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.